

Половой Е. А.

ПРАВО НА СМЕРТЬ ИЛИ СВОБОДА СМЕРТИ?

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/1-2/46.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 1 (20): в 2-х ч. Ч. II. С. 128-130. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

We Tilt at Windmills as World War Looms // The Sunday Times. - 24.08.2008.

What Did We Expect? // The New York Times. - 19.08.2008.

World Peace? Give Me Putin Anyday! // Daily Mail. - 21.08.2008.

La Russie n'a jamais été si forte // Le Temps. - 23.08.2008.

L'effet boomerang de la crise russo-géorgienne // Le Figaro. - 19.09.2008.

Peuples russe et géorgien: une histoire commune // Le Figaro. - 15.08.2008.

ПРАВО НА СМЕРТЬ ИЛИ СВОБОДА СМЕРТИ?

Половой Е. А.

Кубанский государственный университет

*...Не избегнешь ты доли кровавой,
Что живым предназначила твердь,
Но молчи! Несравненное право –
Самому выбирать свою смерть.*

Н. Гумилев «Выбор»

Имеет ли человек право на смерть? Если имеет, должно ли государство регламентировать эту сферу общественных отношений или же оставить её пробельной? Если же нет, то каковы должны быть негативные последствия за нарушение правопорядка? А. Малиновский считает, что «если человек не имеет права на смерть, значит, ни государство, ни общество не обязаны признавать и уважать это право. Следовательно, любого человека, совершающего самоубийство, необходимо принудительно возратить к жизни... Больной человек также не имеет права на легкую и безболезненную смерть. Он должен жить даже вопреки своим желаниям и против своей воли, жить потому, что так хочет общество, мораль которого отрицает самоубийство» [Малиновский 2002: 54]. Вопросов больше чем ответов. Пока идут споры в научной среде, люди всю жизнь занимаются реализацией данного права. Всемирная организация здравоохранения утверждает, что в 2007 году в РФ на 100 тысяч жителей приходилось 34 самоубийства, а в целом суицид стал причиной 1,8 процента всех смертей в стране. Теория отстала от практики. Так может быть пришло время решить этот вопрос раз и навсегда, чтобы не возникало никакой двусмысленности и недомолвок, не сложилась «...ситуация, при которой наличие у человека права на смерть в целом отрицается, но признается возможность возникновения такого права у безнадежно больного человека...» [Малиновский 2002: 54].

Эволюция данного права по своей направленности практически противоположна эволюции права на жизнь, которому удалось проделать долгий путь к абсолютному признанию и безусловному закреплению во всем мире. В то время, когда право на жизнь провозглашалось в международных актах и конституциях различных государств, право на смерть было оттеснено «в тень», утратив признание и закрепление [Фомичев 2005: 4].

На сегодняшний день в юридической науке сложилось несколько подходов к пониманию права на смерть.

- Во-первых, право на смерть – это реализация человеком права на жизнь, в контексте правомочия распоряжения (М. И. Малеева, В. И. Аюпов, С. В. Тасыхов и др.).

- Во-вторых, право на смерть вытекает из права на достоинство личности, достойный уровень жизни, достойная жизнь – достойная смерть (Ю. А. Дмитриев, Е. В. Шленева, Ф. Фут и др.).

- В-третьих, точка зрения, объединяющая предыдущие позиции: право на смерть находится на стыке права на жизнь и права на достоинство личности (Н. М. Храмов).

- В-четвертых, право на смерть является самостоятельным субъективным правом (Л. В. Коновалова, Е. К. Фомичев).

Нам наиболее близка последняя точка зрения, так как ее сторонники приводят достаточно убедительные аргументы в ее пользу, одновременно разрушая позиции других авторов. Например, возьмем человека, осужденного к смертной казни и исчерпавшего все средства правовой защиты, включая право на помилование. Приговор вступил в законную силу, осталось лишь привести его в исполнение. Ст. 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод гласит: «Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание» [Конвенция 1950: 1]. Смертный приговор имеется, то есть, формально, юридически человека уже лишили права на жизнь. До момента приведения приговора в исполнение, он может покончить с собой, тем самым реализовав право на смерть. Из этого следует, что утрата права на жизнь не влечет утраты права на смерть, поэтому стоит признать это право самостоятельным, не зависящим от иных личных прав.

Наиболее полную и всестороннюю диффиницию права на смерть приводит Е. К. Фомичев. По его мнению, *право на смерть – это естественное, неотчуждаемое, абсолютное, охраняемое законом право человека прекратить существование на основании собственного волеизъявления, путем самостоятельного определения времени, способа и причин ухода из жизни, реализуемое любым неопасным для общества спо-*

собом [Фомичев 2005: 28].

На наш взгляд, формулировка «право на смерть» не совсем точна, скорее следует использовать термин «свобода смерти», так как, говоря о праве, мы подразумеваем, что государство будет оказывать какие-то активные действия, направленные на реализацию этого права, в то время как свобода предполагает скорее пассивное поведение государства, его невмешательство в личную жизнь гражданина. Если мы говорим о праве на смерть, мы гарантируем человеку, что умрет в любом случае, даже если не будет в состоянии сам лишить себя жизни, что может породить определенные злоупотребления со стороны тех, кто будет помогать в уходе из жизни. В таком ракурсе довольно глупо провозглашать у человека право на жизнь, если все равно он рано или поздно умрет и государство ничего не сможет поделать с этим. Свобода смерти означает возможность следовать своему собственному желанию во всех случаях, когда это не запрещено законом, а также позволяет быть независимым от непостоянной, самовластной воли другого субъекта.

Свобода смерти включает в себя следующую триаду правомочий:

1. Возможность положительного поведения управомоченного субъекта в целях удовлетворения своих интересов. В контексте свободы смерти данное правомочие выражается в самостоятельном совершении действий или бездействия, не затрагивающих права и законные интересы других лиц и направленные на прекращение собственной жизни.

Утверждение, что тяжело больные или парализованные люди будут не в состоянии самостоятельно воспользоваться данным правом в силу своей физической беспомощности, представляется довольно спорным. На что можно возразить, что и абсолютно здоровый человек не в состоянии реализовывать часть своих прав. Так, например, у граждан РФ есть право выступать за национальную сборную по футболу, но в силу своих физических возможностей большая часть из нас никогда не сможет реализовать это право. Все имеют право на труд, но лишь ничтожное количество людей становится космонавтами, опять-таки в силу своих физических особенностей. Но еще никто не говорил, что они не в состоянии воспользоваться своим правом.

2. Возможность требовать определенного поведения от обязанных лиц в целях удовлетворения своих законных интересов. Выражается в запрете другим лицам участвовать в каком бы то ни было качестве в осуществлении управомоченным субъектом его законного права. Иными словами, никто не вправе ни склонять человека к смерти, не спасать от нее (исключения составляют лишь работники, в трудовые обязанности которых входит этот элемент (медицинские работники, спасатели и др.)

3. Возможность управомоченного обратиться к компетентным органам за защитой нарушенных прав. В рамках свободы смерти это правомочие выражается в ответственности за доведение до самоубийства, подстрекательство к самоубийству и другим деяниям детерминирующим волю управомоченного субъекта, что фактически является нарушением данного субъективного права. Также возможно рассмотрение данного правомочия как законодательного закрепления механизма реализации права на смерть, включая обязательные требования, гарантии и ограничения.

Свобода смерти может осуществляться в следующих формах:

1) *Смертельный риск*

В некоторых случаях поведение гражданина с высоким риском для собственной жизни государством не запрещается, а значит косвенно признается. Например, высока степень риска в работе каскадеров. Здоровые люди добровольцы проводят на себе опасные научные эксперименты. Так, женеvский врач Ж. Понто дал укусьть себя трем гадюкам, для того чтобы проверить, каковы результаты созданной предохранительной прививки. В г. Сан-Фернандо (Филиппины) ежегодно верующие отмечают Страстную пятницу распятием живых людей: пять добровольцев при стечении тысяч людей избиваются плетьюми, а потом приколачиваются гвоздями к крестам. Пребывание на кресте длится несколько минут, в противном случае они могут погибнуть от сердечного приступа. Рядом дежурит бригада врачей. Безусловно, это – примеры распоряжения своей жизнью сознательно, добровольно и в здравом уме [Малеина 1992: 57].

2) *Самоубийство (суицид)*

Явление добровольного ухода из жизни известно человечеству с незапамятных времен. К мысли суициде человек приходит через физические и нравственные страдания. М. И. Ковалев считает, что под самоубийством следует понимать собственноручное, сознательное и добровольное лишение себя жизни по любым причинам, кроме случаев сознательного воздействия на человека со стороны других лиц, под влиянием которого он принимает решение уйти из жизни не добровольно, а в силу безвыходной ситуации, сложившейся по воле этих лиц [Ковалев 1992: 70]. При этом отношение общества и государства как акту самоубийства менялось от эпохи к эпохе, от государства к государству в зависимости от культурных и иных духовных ценностей.

3) *Эвтаназия*

Эвтаназия – это удовлетворение просьбы человека об ускорении его смерти какими-либо действиями или средствами, в том числе прекращением искусственных мер по поддержанию жизни. Осуществляется в двух формах: пассивной (метод отложенного шприца), то есть отказ от мер, способствующих поддержанию жизни, и активной (метод наполненного шприца), то есть совершение по просьбе умирающего или его родных каких-нибудь действий, влекущих быстрое наступление смерти. В России обе формы запрещены. На мой взгляд, проблема эвтаназии является достаточно сложной, чтобы дать однозначную оценку этому явлению. Но если подходить к этой проблеме с формальным подходом, эвтаназия является по сути убийством, и как и всякое убийство его нельзя ни в коем случае разрешать, совершающие его должны нести ответственность в

соответствии с действующим законодательством.

Как говорилось выше проблема права на смерть порождает больше вопросов, чем ответов и во многом это связано с «невозможностью восстановления или приобретения вновь права на жизнь, уже закончившуюся» [Михайлова 2005: 44]. Тем не менее, как и у всякой проблемы у этой должен быть путь решения. Подводя итог вышесказанному, хотелось бы привести слова Монтеня: «Всюду смерть: с этим Бог распорядился наилучшим образом; всякий может лишить человека жизни, но никто не может отнять у него смерти: тысячи путей ведут к ней» [Монтень 1992: 157].

Список литературы

Ковалев М. И. Право на жизнь и право на смерть // Государство и право. - 1992. - № 7.

Маленна М. Н. О праве на жизнь // Советское государство и право. - 1992. - № 2.

Малиновский А. Имеет ли человек право на смерть? // Российская юстиция. - 2002. - № 8.

Михайлова И. А. Распоряжение жизнью по действующему законодательству (философско-правовые аспекты) // Российский судья. - 2005. - № 7.

Монтень М. Опыты. Избранные произведения: В 3-х т. - М., 1992. - Т. 1.

О защите прав человека и основных свобод: Конвенция от 04 ноября 1950 г. // СЗ РФ. - 1998. - № 20. - Ст. 2143.

Фомичев Е. К. Эвтаназия как форма реализации права на смерть: Дисс. ... к. ю. н. - М., 2005.

ДВОЙНАЯ ФОРМА ВИНЫ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Полякова О. В.

Астраханский государственный университет

Институт вины в уголовном праве наиболее остро изучался в 50-60 гг. XX века. Но и сегодня проблемы определения виновного отношения лица к совершаемому общественно-опасному деянию остаются актуальными. Больше всего вопросов в данной сфере существует при определении двойной формы вины в уголовном праве.

Действующий УК РФ закрепляет принцип субъективного вменения. Согласно ст. 5 уголовного законодательства, лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. Объективное вменение, то есть уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается.

Таким образом, лицо должно нести ответственность за совершение своих действий, если действительно установлено, что оно имеет к ним отношение и без его непосредственного или опосредованного участия не было бы никаких общественно-опасных действий и (или) соответствующих последствий.

Винным в преступлении признается лицо, которое совершило деяние умышленно или неосторожно. Тем самым законодатель, не давая определения вины, раскрывает ее содержание через определенные формы. Это умысел и неосторожность. Отсюда вытекает, что существует только две формы вины. Опираясь же на принцип вины, субъективного вменения нужно говорить о том, что одному преступлению соответствует одна форма вины. Статья 27 УК РФ закрепляет ответственность за преступления, совершаемые с двумя формами вины. Ее суть заключается в том, что если в результате совершения умышленного преступления причиняются тяжкие последствия, которые по закону влекут более строгое наказание и которые не охватывались умыслом лица, уголовная ответственность за такие последствия наступает только в случае, если лицо относилось к этим последствиям неосторожно. Далее законодатель закрепляет, что в конечном итоге это преступление считается совершенным умышленно. Это двойная форма вины. В научной литературе высказывается мнение, что это есть не что иное, как третья форма вины, усложненная. Но в самой статье прямо говорится, что в целом такое преступление признается совершенным умышленно. Имеет ли тогда смысл говорить о существовании ответственности за совершение преступлений с двумя формами вины. Ответить однозначно на данный вопрос очень затруднительно. Так, Лукьянов придерживается такой точки зрения, что ст. 27 УК о преступлениях с двумя формами вины не решает проблемы, а служит лишь наукообразным прикрытием ее неразрешенности. Статью из текста УК целесообразно исключить, чтобы она не вносила путаницу в установление субъективной стороны значительной части составов преступлений и не перекрывала дорогу поиску полноценного решения проблемы, а также опустить содержащиеся в ряде статей указания на неосторожное отношение к последствиям без учета отношения к действиям, вызвавшему такое последствие [Лукьянов 2002: 59].

Рассматривая данную точку зрения, в определенном отношении нельзя с этим не согласиться. Действительно, если лицо, совершая преступление, осознает его общественную опасность, предвидит последствия, желает их или относится к ним безразлично, но, наступили другие последствия, более тяжкие, имеет ли смысл говорить о двойной форме вины. Если субъект уже к самим действиям относится умышленно, то даже наступившие неосторожно более тяжкие последствия, не могут свидетельствовать о двояком отношении лица ко всему преступлению в целом.

В свою очередь, представляется, что деяние, субъективная сторона которого характеризуется двумя